

росы эпохи, становясь своеобразными «культурными пионерами», а в некоторых случаях культурными катализаторами (так, мистические секты во многом предопределили возникновение русского религиозного ренессанса конца XIX века – начала XX века, оказали мощное влияние на русских религиозных философов – В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского, С. Булгакова).

Список литературы

1. Цит по: Смолич И.К. История русской церкви. – М.: 1997. – Т. 8 (2). – С.165.
2. Цит по: Смолич И.К. История русской церкви. – М.: 1997. – Т. 8 (2). – С.166.
3. *Бердяев Н.А.* Духовное христианство и сектантство в России. – Т. 3. – М.: 1989. – С.448.
4. *Розанов В.* Русская Церковь // В темных религиозных лучах. – М.: 1994. – С.13–14.
5. *Розанов В.* Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы). – СПб.: 1914. – С.175–178.

УДК 11

ЛЕВ ШЕСТОВ О ПРЕОДОЛЕНИИ МЕТАФИЗИКИ

В.В. Прокопенко
Харьков, Украина

Кризис системосозидающей философии к началу XX века стал очевидным фактом; развернулось широкое антиметафизическое движение, целью которого было окончательное устранение «первой философии», по крайней мере, – в прежней её форме. Список имён здесь был бы вряд ли уместен в силу своей протяжённости – начатый ещё Кантом, Шопенгауэром и Ницше, он включает многих, и в начале XXI века всё ещё не завершён. Однако Лев Шестов в этом ряду не только не теряется, но и занимает совершенно особое место.

По большому счёту, критика метафизического разума для Л. Шестова является не просто важной темой, это – **единственная** тема его творчества (сам Шестов признавал, что «на меня сердятся за то, что будто я всё об одном и том же говорю»). Вне зависимости от сюжета и действующих лиц (Шекспир, В. Соловьёв, И. Тургенев, Сократ и Аристотель...) Шестов говорит об одном – о свободе от самого сурового принуждения, принуждения со стороны Единого Абсолютного Истинного Разума. И постепенно складывается ряд имён ключевых в теме разоблачения порабощающей истины: Парменид, Сократ, Аристотель, Спиноза, Гегель.

«Скованный» Парменид, действительно, – ключевая фигура в становлении европейской метафизики. Вспомним Гегеля: «Один человек здесь освобождает себя от всех представлений и мнений, отказывает им в какой бы то ни было доле истинности и говорит: лишь необходимость, бытие представляют собой истинное. Это начало, правда, ещё смутно и неопределённо, и нужно объяснить, далее, то, что в нём содержится, но это объяснение и есть именно эволюция самой философии...» [1, с.223]. Шестов подчёркивает у Парменида ключевое понятие метафизики – «Единое» ($\hat{\omega}\nu$), которое скрывает в себе тайну всей метафизической конструкции, хотя бы, в силу того, что тайну составляет происхождение самого Единого: «Как бы все расхохотались, если бы догматик,

вместо того, чтобы скрывать и замалчивать о том, где течёт «источник», из которого он свои истины черпает, стал бы всех водить к нему? Он знает, что все его утверждения произвольны ... но он тоже знает, что сбросить это право можно только в том случае, если самым тщательным образом скрывать от всех людей то, что для тебя наиболее важно, и никому об этом не рассказывать. «Самое важное» лежит за пределами понятного и объяснимого, т.е., за пределами допустимого языком или словом общения» [2, с. 619].

Следовательно, язык Истины, на владение которым претендуют метафизики, вообще не имеет в своём арсенале никаких значений, поскольку представляет собой завесу, за которой не скрывается ничего, кроме Желания. Метафизик возделает и потому отказывается от общепринятого языка, что больше всего боится раскрыть эту возделывающую природу – метафизики всегда циничны, и греческие философы отвернулись от кишиков именно оттого, что те открыто продемонстрировали эту циничность, обнаружили тайну метафизики как тайну Хама [2, с. 627].

Итак, Шестов настаивает на том, что выбор метафизических оснований – произволен, предвидя, впрочем, возражения, основанные на «классическом аргументе». Он обрушивается на фундаментальные аристотелевские законы тождества и противоречия (любопытно, кстати, в этой связи вспомнить суждения П.Флоренского о законе тождества [3, с. 25–29], которые, оказывается, применимы исключительно к эмпирическому бытию. Л.Шестов объявляет своеобразную «Великую хартию вольностей»: «Иначе говоря, условием перехода от эмпирической философии к метафизике является готовность отказаться от законов тождества и противоречия. ... Так что, если уж говорить о проlegomena ко всякой будущей метафизике, то вовсе нет надобности отыскивать новые источники для всеобщих суждений: наоборот, нужно возвестить ещё неслыханную доселе свободу суждений» [4, с. 96 – 97].

Резюме: метафизическая аксиоматика – произвольна и потому аксиоматикой, как таковой, не является, язык её – пуст. Что же остаётся? Философия, – не конструкция, покоящаяся на незыблемом фундаменте некоего истинного бытия, но, скорее, – деятельность, вытекающая из свободного убеждения: «Я в этом убеждён». О характере этой деятельности нельзя говорить как о дедуцировании, столь любимом всеми классическими метафизиками, когда считается, что из диалектического развития понятия можно прийти к построению целой системы. Спекулятивный принцип практически всегда скрывает за собой пробелы в выводе, которые вскрываются, когда у человека притупляется вкус к диалектической игре ума [5, с. 61]. Отсюда – бесконечная глоссолалия философов, призванная притупить внимание слушателей, обрушив на них нескончаемый поток слов (у Сократа, замечает Шестов, он не иссякает даже в трагично долгий месяц между приговором и казнью).

Резюме: вслед за рухнувшими основаниями метафизики рассыпаются правила вывода, принципы, которые считались безусловными в философском системотворчестве. Это отказ от философии вообще? «Оседлый человек говорит: как можно жить без уверенности в завтрашнем дне, как можно ночевать без крова! Но вот случай выгнал его из дому и он ночует в лесу. ... в конце концов он всё-таки вверится случаю, начнёт жить бродягой и даже, может быть, спать по ночам» [5, с. 48]. Отказ от метафизического Разума не есть отказ от Разума как такового. Шестов неоднократно возвращается к словам Платона о том, что нет ничего для человека страшнее, чем стать «разумонепавистником».

Наивно было бы искать у Л.Шестова наряду с критикой метафизики ещё и какую-то «положительную программу» – сама критика и есть действие свобод-

ного философского «беспочвенного» мышления. Весьма распространённое понимание творческой эволюции Шестова, как «движения разрушителя к спасительному Откровению» есть сильное упрощение. В сходной ситуации Э.Целлер оценил теологический поворот Плотина как «самоубийство философии». С этим решительно не согласен Шестов. Философия свободного духа не отменяется, но предполагается Откровением: «Главное научиться думать, что если бы люди были убеждены, что Бога нет, – это ровно ничего не значит.... **Бог всегда требует от нас невозможного**» [2, с. 621].

Список литературы

1. Гегель Г.В. Ф. Лекции по истории философии. // Гегель. Соч., т.9. – М.-Л.: 1932.
2. Шестов Лев. Афины и Иерусалим. // Шестов Лев. Соч. в 2-х тт. – Т.1. – М.: 1993.
3. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. В 2-х тт. – Т.1. – М.: 1990.
4. Шестов Лев. Potestas clavium. // Шестов Лев. Соч. в 2-х тт. – Т.1. – М.: 1993.
5. Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. – Л.: 1991.

УДК 165.023.1

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ Л.ШЕСТОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ «ФИЛОСОФИИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

М.Л. Бессарабова
Харьков, Украина

И.Пригожин, характеризуя состояние окружающего мира, являющегося предметом научного познания, обозначает его понятием нестабильный [2]. Этим свойством мир стал характеризоваться познающими его лишь недавно, а до сих пор он виделся как упорядоченный, детерминистский, а значит, поддающийся познанию. Задача человека состояла лишь в том, чтобы найти адекватный метод познания, который бы позволил выявить существующие в природе закономерности и с помощью этого установить контроль над природой или по крайней мере сделать её прогнозируемой. Такое видение мира породило феномен классической науки, которая сделала именно устойчивый маятник образцом исследования, а понятию нестабильности придала негативное звучание, исключив его из круга своих интересов. Эти идеи и представления, являющиеся результатом научного осмысления мира, задали тон всему западному мышлению на несколько столетий. Согласно этим представлениям, не оставалось места для уникальных, единичных событий, одним из примеров которых является человеческая индивидуальность. И неклассическая философия возникла именно вследствие сопротивления всепоглощающему рационализму, как стремление отмежевать человека от этой всеобъемлющей закономерности, сделать из гносеологического субъекта живую переживающую личность. Неклассическая философия, ставшая реакцией на наукоцентризм культуры, тем не менее не отрицала познаваемость и упорядоченность мира, а просто вынесла проблематику и результаты научного познания за скобки, обратив свой взор к человеку, к его смысло-жизненным проблемам.